

Государь-мечтатель

Во всем, начатом здесь, в Петербурге, в первые годы чувствовалась временность, первые петербуржцы тревожно ожидали перелома в войне со шведами. А перелом этот долго не наступал, и не было уверенности, что город строится здесь надолго, навсегда. И лишь победив под Полтавой, заняв в 1710—1714 гг. Эстляндию, Лифляндию, Карелию и Финляндию, Петр мог наконец-то осуществить все свои высокие государственные мечты. В чем же они состояли?

Нет сомнений, что Петербург виделся царю не просто цитаделью, крепостью в утробном краю «отчин и дедин», оплотом Российского государства в этой части Европы, а живым городом, портом — «пристанью», как тогда говорили. В июньских 1703 г. «Ведомостях» была опубликована заметка из Берлина от 12 мая (т. е. за несколько дней до основания Петербурга), что в Кенигсберге стало известно: Петр I «необыкновенное, великое изготовление чинит к воинскому походу и знатным войском идет к Лифляндии». Одновременно сообщалось об указе построить на берегу Ладожского озера шесть кораблей «и больше намерение его есть на Новый шанец (т. е. Ниеншанц. — Е. А.), и по взятии того к Восточному морю, дабы из Восточной Индии торговлю чрез свою землю установить».⁵⁸

В 25-м, августовском номере газеты мы найдем заметку из Лифляндии о взятии русскими двух шведских судов в устье Невы. В ней говорится, что Петр якобы «пять миллионов ефимков дать обещал, чтоб крепость

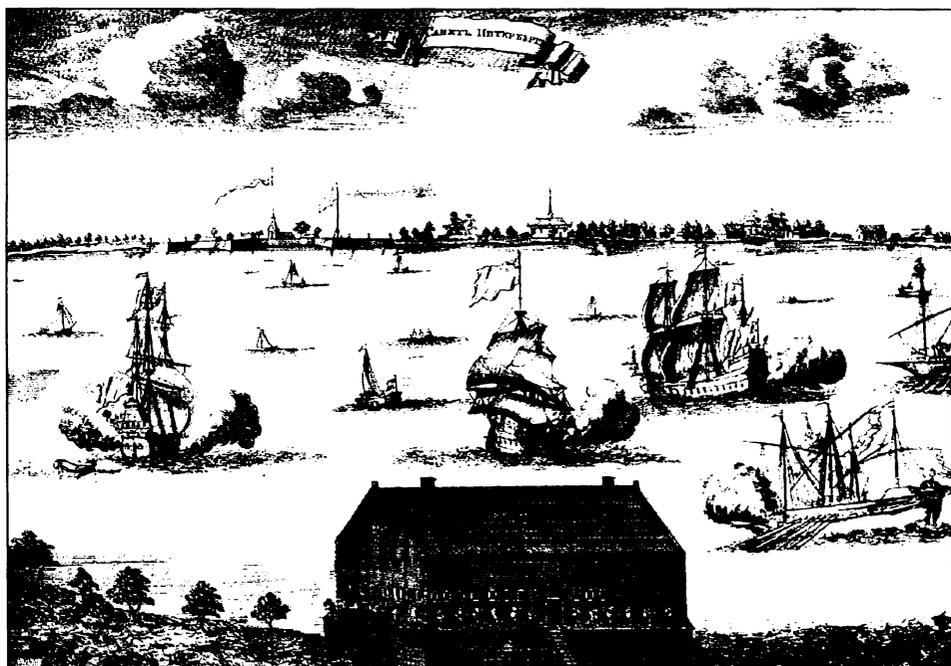
⁵⁸ Ведомости. С. 71.

Новый Шанец из основания сильнее и крепче построить и место тое велико и многолюдно учинить намерен».⁵⁹ Из этого можно сделать вывод, что в шведской Лифляндии еще до основания крепости на Заячьем острове были известны намерения Петра I укрепить Ниеншанц (Новый Канец) и превратить его в большой, густонаселенный город. Если припомнить сообщение от 12 мая о намерениях царя развивать восточную торговлю, то сведения эти кажутся весьма симптоматичными. Важно, что «Ведомости» касаются болезненной для местного населения темы о повсеместных грабежах и разорениях, производимых русскими войсками. Из газетной заметки следует, что Петр накрепко «заказал» своим войскам в Лифляндии и Ингерманландии, чтобы «впредь никто ничего не жег». Там же говорится о неких калмыках, нарушивших запрет Петра и за это приговоренных к повешению. Статья должна была успокоить встревоженное жестокостью русских общественное мнение Восточной Прибалтики.

И наконец, в августе же «Ведомости» (№ 26) опубликовали заметку из Риги от 2 июля 1703 г.: «Его царское величество не далече от Шлотбурга при море город и крепость строить велел, чтоб впредь все товары, которые к Риге и к Нарве, и к Шанцу приходили, тамо пристанище имели, также бы персицкие и китайские товары туда же приходили». В этих излишне простодушных статьях корреспондентов «Ведомостей» (которые, возможно, никуда и не уезжали из Москвы) видна знакомая рука, чувствуется целенаправленный, как бы теперь сказали «вброс информации»: Петр хочет объявить миру, что намерен выйти к морю, присоединить к России Восточную Прибалтику, построить на Балтике порт, пустить в море свои корабли и воплотить в жизнь мечты многих своих коронованных предков — направить один из главнейших торговых потоков между Востоком и Западом через Россию, сделать транзит через нее источником благополучия страны и ее подданных. В этом состоял прагматический, меркантилистский смысл «окна» в Европу, «прорубленного» в 1702—1703 гг. — Петербургу предназначалось стать важнейшим центром торговли, перевалочным узлом, вроде Амстердама и Роттердама.

Примечательно, что в ответ на сообщение Петра о взятии Ниеншанца, чем, писал Петр, Бог «заключительное (т. е. — крайнее к морю. — Е. А.) сие место нам даровал и морской наш штандарт исправить благоволил», боярин Т. Н. Стрешнев в письме из Москвы развил мысль царя так: «Бог вручил тебе, государю, заключительное место, город Канцы: пристань морская, врата отворенны, путь морской». Эту тему продолжил (более витиевато) А. А. Виниус: «Велика есть сия виктория, многих ради последующих случай полезных: мало не от самая Москвы руководствует на вся потребности вода... по желанию вашему государсткому от пристани океанской до Азова, а от Слотенбургха до Астрахани совершил есть, украсил и совершил есть замкнение по числу четырех частей вселенских четыре

⁵⁹ Там же.

Первый вид Петербурга. П. Пикарт. 1704

дивныя пристанища (т. е. Балтийское, Белое, Азовское и Каспийское моря. — Е. А.)... Обрадовавшись купцы иностранныя, паче ж Росийския, видя к ближайшему пути промыслам своим такиа отверзенныя врата, имиже многократно во едино лето могут приезжать и отходить и все нужныя потребы доставати». ⁶⁰

Иначе говоря, значение завоевания устья Невы все понимали как решение России «твердо встать у моря», укрепить или перестроить Ниеншанц, создать на его месте большой город и порт, вести торговлю с Западом и Востоком. Значение выхода к морю в системе меркантилизма того времени преувеличивалось. На одной из икон церкви на Марциальных водах, построенной в 1718 г. В. Генниным, изображены пробитое в каменной стене окно и плывущие вдаль корабли. Именно окном, дающим россиянам воздух и свет, представлялся Петербург. Другое сравнение в духе модной анатомической аллегии «государства-тела» нашел Петр в разговоре с прусским посланником Кейзерлингом: завоевав выход к морю, Россия станет одним из государств, «которые имеют пристани, ибо через сею артерию может здравее и прибыльнее сердце государственное быти». ⁶¹

⁶⁰ ПВП. Т. 2. С. 533, 538—539.

⁶¹ Там же. Т. 3. С. 30—31.

Конечно, тогда, в августе 1703 г., все это было еще несбыточным мечтанием. Заметки в «Ведомостях» написаны так, будто и Рига, и Нарва уже под властью России и Балтийское море можно переименовывать в Русское. Между тем шведский флот крейсировал в Финском заливе и в августе 1703 г. не дал пройти в Неву 12 кораблям голландской Ост-Индской компании. Прорваться поздней осенью удалось только одному судну. В июле 1704 г. в тот самый момент, когда эскадра адмирала Анкерштерна подошла к Котлину, там же появился английский торговый корабль с грузом сукна и табака. Шведы не задержали его только потому, что капитан предъявил паспорт, подписанный наследником датского престола — английским генерал-адмиралом. Естественно, что другие мореплаватели таких паспортов не имели и их беспощадно грабили шведские каперы. Как сообщает современник, даже в 1710 г. в Петербург отважился зайти всего лишь один корабль. Первое же русское судно из Архангельска чудом проскочило в Неву только в 1711 г.⁶² Из записок датского посланника Юста Юля хорошо видно, что даже после Полтавской битвы шведы господствовали над всеми прибрежными водами своих восточноприбалтийских провинций, бывших уже несколько лет под русским владычеством. В 1709 г. датскому посольству (Дания тогда не была в состоянии войны со Швецией), имевшему дипломатический иммунитет, с большим трудом удалось высадиться под Нарвой.⁶³ В октябре 1712 г. Петр через высокопоставленных шведских пленных тщетно пытался договориться со Стокгольмом о пропуске хотя бы одного корабля в год с вещами и «столовыми запасами», заказанными для самого царя, — как явствует из переписки Петра I, он вообще предпочитал привозные продукты и вина.⁶⁴ И все же за Петербургом было будущее — после заключения мира в 1721 г. корабли пошли в Петербург. В 1724 г. у Троицкой пристани уже не хватало места для иностранных судов — в тот год их пришло 270!⁶⁵

Другая юношеская мечта Петра, воплощенная на берегах Невы, — создание своего военно-морского флота. По разным причинам ни в Архангельске, ни в Азове мечту эту не удалось осуществить полностью. И вот в Петербурге царю представился случай открыть порт, построить базу военно-морских сил, закладывать и спускать на воду любые, какие только душа пожелает, корабли и даже рассчитывать на морские победы — у шведов никогда не было сильных флотоводцев, и в военно-морской истории они известны, несмотря на славное прошлое викингов, как большие неудачники, почти непрерывно терпевшие поражения на море. Словом, от свежего балтийского ветра кружилась голова Питера-тimmerмана — так звали в Голландии коронованного плотника. Поэтому Петербург,

⁶² *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по Учреждениям о губерниях. СПб., 1884. С. 84—85.

⁶³ *Юль Ю.* Записки... С. 39—42.

⁶⁴ РИО. Т. 11. С. 248.

⁶⁵ Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1954. Т. 1. С. 86.

по мысли Петра, должен был стать военно-морской столицей, главным военным «пристанищем» Балтийского флота, который в это время поспешно создавался на верфях Ладоги и уже в Петербурге.

Некоторые ученые видят в идее строительства нового, удаленного от Москвы, столичного города стремление Петра I противопоставить старой столице — рассаднику политической, идеологической и культурной оппозиции, тормозу России — новый город. Думаю, что такая мысль, в числе прочих, не была чужда Петру. Он действительно хотел сделать Петербург символом, «фасадой» новой России, хотел построить на берегах Невы город своей мечты, непохожий на традиционные русские города, впитавший все лучшее, что можно было взять у Запада. Он мечтал, чтобы этот город напоминал любимый им Амстердам. На берегах Невы, в гуще стройки, Петр отдыхал — здесь был тот простор, которого ему не хватало в Москве. Для него этот город был «парадизом» — раем, как он не раз называл его в своих письмах. По словам пленного шведа Л. Ю. Эренмальма, побывавшего в России в 1712 г., Петр ненавидел Москву, а когда бывал там, то жил только в Преображенском, и неоднократно говорил, «целуя крест, что скорее потеряет половину своего государства, нежели Петербург».⁶⁶ Это весьма похоже на правду.